

— Без паники! — в этот критический миг прозвучал голос, чистый и прохладный, точно талая вода горных ледников. Владеть собой и удерживать бразды правления в столь отчаянный час мог, разумеется, только Фан Чаоцы. — Ещё в префектуре Интянь Великая старшая императорская принцесса-покровительница государства пригласила к Вдовствующей императрице одного весьма известного южного целителя. Тот заключил, что нынешняя беременность Её Величества протекает необычно. Есть все основания полагать, что она носит двойню.

В Великой Ци лекарей на севере величали «дафу», а на юге — «ланчжунами». Оба этих обращения некогда служили чиновничьими титулами, но со временем переродились в почтительные прозвища, в которых простой люд выражал искреннее благоговение перед священным искусством спасения жизней.

Из-за огромных расстояний между севером и югом и частых перебоев на речных путях многие выдающиеся южные лекари вовсе не стремились осесть в столице и занять должность в Императорской медицинской академии Ханьлинь.

Великая старшая принцесса-покровительница государства заранее отправила чуть ли не всю Императорскую медицинскую академию в резиденцию своего сына в Цзянцзо, но материнское сердце всё не знало покоя. Она умудрилась прослышать об искусных народных целителях в префектуре Интянь и собрать из них целый отряд, лелея мысль при первой же возможности отправить их сыну со срочным гонцом. По чистой случайности или по велению судьбы среди этих светил медицины затесался непревзойденный знаток женских недугов и родовспоможения. Оправдание, придуманное Великой старшей принцессой, шилось настолько белыми нитками, что у Фан Чаоцы просто язык не поворачивался уличить её во лжи.

— Двойня? — в самый нужный момент подал голос господин Не, умело подыграв Фан Чаоцы. Некогда он и сам предавался сладким грезам о том, как станет дедом будущего государя. Однако после всех пережитых потрясений в его исстрадавшейся душе осталось лишь одно желание: пусть дочь и дитя благополучно переживут эти роды.

Фан Чаоцы кивнул с такой непоколебимой уверенностью, будто его слова были истиной в последней инстанции.

Видя его невозмутимость, придворные тоже мало-помалу взяли себя в руки. Смесь надежды и сомнения отразилась на их лицах. Сгорая от нетерпения, они уставились на двустворчатые двери бокового покоя, ловя каждый шорох и ожидая вестей.

И предчувствия их не обманули. Рождение маленькой императорской принцессы не положило конец таинству: за дверями по-прежнему раздавались приглушенные вскрики и суматошный бег служанок.

Те из сановников, кто верил речам господина Фана лишь наполовину, укрепились в своей вере на добрых семь десятков долей. А когда из глубины покоев донёсся зычный, полный недюжинной силы возглас императрицы Су, их сомнения рассеялись без следа.

— Жун-нян! Жун-нян, не смей сдаваться, не вздумай лишаться сил! В твоей утробе остался ещё один! Я уже вижу его ножки!

Обычно близнецы лежат в утробе валетом: один головкой вниз, другой — вверх. Раз старшая сестра благополучно явилась на свет теменем вперед, то второму младенцу, чей пол оставался загадкой, суждено было выходить ножками — а это грозило опасным ножным предлежанием. Те из мужей, кто хоть мало-мальски смыслил в повивальном искусстве, вновь ощутили, как тревога сжимает их сердца ледяными тисками.

Оставалось лишь молить Небеса — этого незримого, но столь капризного покровителя правящего рода Вэнь, — явить милость и уберечь императорский дом от беды.

Прошло немало томительных минут, прежде чем из покоев вышла старшая дворцовая служанка, которую Шэнь-цзун заблаговременно послал вызнать вести. Она подтвердила, что Вдовствующая императрица действительно разрешается двойней, и торопливо потребовала ещё одну чашу отвара для ускорения родов.

Придя в себя, Шэнь-цзун тихо шепнул стоявшему подле Фан Чаоцы:

— Снова отвар? Жун-нян уже двое суток только эти снадобья и пьёт. Если влить в неё ещё чашу, она сама в этот отвар превратится! Точно ли всё обойдётся?

Фан Чаоцы украдкой скользнул взглядом по лицу императора. Физиономия Шэнь-цзуна от переживаний сморщилась, точь-в-точь как верхушка паровой пампушки лунбин. В подобных обстоятельствах любой державный родич пёкся бы лишь о выживании наследника, но Шэнь-цзун никогда не походил на обычных людей.

Фан Чаоцы решил рискнуть:

— Великие беды сулят великое счастье. Верю, что Её Величество преодолеет невзгоды и благополучно явит миру юного принца.

— Твоя правда, истинная правда! Жун-нян непременно справится, — закивал император с такой частотой, словно толк в ступке толоч.

Господин Не, стоявший неподалеку, жадно ловил каждое слово. Сердце старика защемило, а на глаза навернулись слёзы раскаяния. Каким же глупцом он был прежде! Ведь смел почитать Гуаньцзя слабовольным и робким правителем, обделенным величием. Теперь же он понимал: милосердие и доброта — вот подлинные добродетели истинного мужа!

И вот, в тот самый редкий миг, когда Золотой ворон солнца и Серебряная жаба луны сошлись на одном небосводе, из глубины боковых покоев донёсся младенческий плач, слившийся в звучный дуэт.

В толпе придворных пронёсся вздох изумления.

Очевидно, одна лишь новорожденная принцесса не смогла бы сотворить подобного многоголосия. Малышку уже обмыли, завернули в тёплые пеленки и уложили дремать в уютном уголке, но покой её продлился недолго. То ли её испугал последний отчаянный крик матери, звавшей своего возлюбленного супруга, то ли новоявленный братец своим зычным ревом пробудил в ней желание вторить ему изо всех сил.

Старшая служанка вновь выбежала к придворным. Лицо её так и светилось безмерной радостью. Спешно поклонившись, она заспешила доложить добрую весть в надежде на щедрое вознаграждение:

— Поздравляю Вас, Гуаньцзя! Великая радость! Вдовствующая императрица разрешилась двойней! Дракон и феникс явились вместе, знаменуя великое благоволение Небес! Младший принц крепок телом и совершенно здоров!

Облегчение, подобное спасению после сокрушительной бури, мгновенно затопило сердца собравшихся мужей.

Казалось, Небеса — этот непредсказуемый родственник императорского дома — сыграли со всеми злую шутку. Но пусть эта проделка и заставила каждого похолодеть от страха, ради столь счастливого исхода они готовы были простить судьбе любые каверзы, словно чадолюбивые отцы прощают неразумного ребёнка.

Шэнь-цзун не подкачал. Не дожидаясь подсказки от Фан Чаоцы, он громогласно объявил:

— Наградить! Всем выдать двойную награду!

Император сохранил ясность ума лишь потому, что изначально не терзался страхами так сильно, как его министры. Ше Цзе прекрасно знал дядю: Шэнь-цзун давно принял тайное решение, о котором не смел обмолвиться ни единой душе — даже собственной супруге. Он твердо вознамерился передать престол преемнику вне зависимости от того, подарит ли ему вдова племянника мальчика или девочку. Поэтому известие о рождении принцессы поначалу лишь слегка озадачило его: он лихорадочно размышлял, как сломить сопротивление двора и возвести внучатую племянницу на трон.

Иными словами, Шэнь-цзун не ведал того смертельного ужаса, что сковал сердца сановников, а потому и чудесное рождение мальчика не вызвало в нём бури чувств, подобной возвращению с того света.

Радость, впрочем, была искренней. Восхождение на престол законного принца укладывалось в рамки древних традиций, что сулило самому императору избавление от лишней головной боли и долгих споров с упрямыми чиновниками.

— А как себя чувствует Вдовствующая императрица? — с живейшим участием справился Шэнь-цзун.

Судя по залиvistому, перекликающемуся плачу, за здоровье новорожденных волноваться не приходилось. Куда больше Шэнь-цзуна тревожила сама роженица. Его точило смутное предчувствие: Не Сянжун лишь казалась безмятежной, но душа её таила бездонные глубины, в которых бушевали яростные течения. И пока эти подспудные бури не вырвутся наружу, душевный покой не вернется к ней.

Однако ныне Вдовствующая императрица не выказала и следа бушующих чувств. Едва подарив жизнь обоим младенцам, она лишилась чувств, погрузившись в глубокое беспамятство, столь похожее на кончину, что перепуганная императрица Су едва сама не лишилась духа от страха.

После очередной волны суматохи Шэнь-цзун наконец бережно принял на руки крохотную принцессу, о которой так долго грезил. Фан Чаоцы же, застыв от неловкости, прижал к груди будущего наследника престола.

Юный наследник ещё не разомкнул век, однако уже выказывал завидную силу духа: он сердито кряхтел и изо всех сил брыкался, тщетно пытаясь высвободиться из тесных пелен пунцового шёлка. Его младенческий бунт окончился ничем, отчего кроха раздосадованно захныкал.

Личико маленькой принцессы тоже казалось сморщенным и красным, а глаза приоткрывались лишь узкими щелками. В этом крошечном комочке пока ещё невозможно было разглядеть черты будущей первой красавицы Поднебесной.

И хотя новорожденные младенцы обыкновенно похожи друг на друга как две капли воды, эти двое явно обещали вырасти на редкость строптивыми. Даже сейчас в их облике сквозило разительное несходство.

Глядя на брата и сестру, Фан Чаоцы до конца уразумел замысел Великой старшей принцессы-покровительницы государства, заставивший её со столь безупречной точностью разыграть это представление.

Боковые покои, примыкавшие к главному залу с востока и запада, изначально предназначались для отдыха государя. Поскольку временный дворец в Цзянцзо уступал масштабами столичной резиденции в Юнцзи, эти комнаты ещё не перестроили в отдельные павильоны. Они представляли собой простые загородки, отсекавшие пространство от обширного девятипролётного зала. Стало быть, проникнуть внутрь можно было исключительно через главные двери, миновав сам зал. Весь процесс родов проходил на глазах у толпившихся во дворце придворных: каждый входящий и выходящий оставался на виду, и никто не сумел бы тайно пронести младенца.

Не будь всё устроено столь открыто, ушлые сановники, привыкшие толковать любые события с предельной долей злопыхательства, непременно задались бы каверзными вопросами. Как вышло, что именно сейчас, когда Поднебесная отчаянно нуждалась в наследнике,

Вдовствующая императрица столь своевременно разрешилась королевской четой из мальчика и девочки? Да ещё и младенцами, столь мало похожими друг на друга?

«Уж не родилась ли на свет одна лишь принцесса, а мальчика принесли невесть откуда ради сохранения власти?» — зашептались бы злые языки.

Праздные толки за чашей чая — полбеда. Хуже всего, если бы подобные сомнения подхватили заговорщики. Это нанесло бы непоправимый удар по авторитету правящего дома, лишило бы будущего государя законного права на престол и помешало бы ему сплотить под своим знаменем армии Поднебесной. Великая Ци более не могла позволить себе смут.

Но благодаря мудрости Великой старшей принцессы эти тревоги рассеялись как утренний туман.

Шэнь-цзун баюкал крошечную принцессу, не в силах сдержать блаженной улыбки. На его взгляд, дитя было совершенством. И пусть для посторонних глаз девочка пока мало отличалась от сморщенного детеныша обезьяны, император свято верил, что держит на руках прекраснейшую из небожительниц. В роду Вэнь мужчины рождались редко, кровь истончалась, а наследники едва ли не в каждом колене оставались единственными сыновьями. Посему мальчиками Шэнь-цзуна было не удивить, а вот девочка казалась подлинным сокровищем.

— Правда ведь, моя наньнань? Ну какая же ты у меня славная!

— Ах да! Раз уж речь зашла о нашей милой крошке... Мы ведь ещё не сообщили Туньэру, что он стал дядей! Эй, слуги! Срочно ступайте в усадьбу принцессы и поведайте наследнику Ше сию радостную весть. Через пару дней я сам привезу к нему малютку... Кхм, то есть, когда он оправится от недуга, Мы призовем его во дворец полюбоваться племянниками.

Шэнь-цзун прижал к себе принцессу, косясь по сторонам. По его бегающему взгляду Фан Чаоцы сразу понял: император замышляет побег из дворца под благовидным предлогом.

Бережно удерживая будущего государя, Фан Чаоцы почтительно поклонился и негромко заметил:

— Позволю себе напомнить Вашему Величеству: в глазах наследника Ше его матушка отправилась в путь, дабы сопроводить Вдовствующую императрицу в Цзянцзо. Ныне же Её Величество прибыла самостоятельно и благополучно разрешилась от бремени. Как нам истолковать молодому господину отсутствие Великой старшей принцессы?

Шэнь-цзун растерянно моргнул:

— И то верно... Задача не из легких. Как же быть?

— Позвольте верному слуге взять сию заботу на себя, — непривычно поспешно вымолвил Фан Чаоцы, утратив свою обычную размеренность. Похоже, именно этой возможности он ждал больше всего на свете.

— Вы знакомы с Туньэром? — неподдельно изумился Шэнь-цзун.

— Милостью Великой старшей императорской принцессы-покровительницы государства ваш ничтожный слуга ныне проживает по соседству с наследником Ше.

Тут на императора снизошло озарение. Мой племянник ведь затеял сдавать жилье внаем, а Фан Чаоцы как раз ведает делами Управления государственного имущества и аренды! Сама судьба велит им водить дружбу.

— Что ж, договорились, — кивнул Шэнь-цзун. — Ступай к нему и растолкуй всё как следует. А когда старшая сестра воротится, тогда пускай Туньэр и приходит смотреть племянников. Всё равно сейчас на них глядеть тошно — сморщенные оба, уродцы уродцами.

Последние слова император произнёс, без стеснения уставившись на завернутого в красный шёлк будущего правителя Поднебесной. На его царственном лице отразилось искреннее разочарование: ну надо же уродиться столь неказистым!

Маленькая принцесса сердито завозилась в руках дяди и тоненько пискнула.

Шэнь-цзун тут же принялся неуклюже похлопывать её по спине — точь-в-точь как когда-то в детстве его баловала старшая сестра. Голос государя смягчился, наполнившись безграничной нежностью:

— Конечно, конечно, моя наньнань — истинная красавица. Ни капли не похожа на своего нескладного младшего братца!

Фан Чаоцы лишь мысленно вздохнул. Подобное неприкрытое пристрастие императора в будущем легко могло породить при дворе немало вредных и совершенно напрасных толков.